

Способы передачи аграрных практик в современном городе: практическое научение и разговор

Андрей Алексеевич Петров ^[1]

✉ sinavitruvor@mail.ru

ORCID: 0009-0004-2172-0768

^[1] Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Для цитирования статьи:

Петров, А. А. (2025). Способы передачи аграрных практик в современном городе: практическое научение и разговор. *Фольклор и антропология города*, VII(1), 99–107. DOI: 10.22394/2658-3895-2025-7-1-99-107.

В материалах представлен взгляд на коммуникацию дачников с точки зрения их аграрной деятельности. На основе материала, собранного в ходе фольклорной практики в 2018 году, вводится классификация типов передачи аграрных навыков, выдвигаются гипотезы о практическом смысле такой передачи. Различные способы взаимодействия дачников с растениями (включающие в себя как невербальное, так и вербальное «общение») передаются как от старшего поколения к младшему (первичный вариант), так и между представителями одного поколения. В том случае, когда владение навыками оба актора признают атрибутом важного для себя статуса «хорошего дачника», передача практики позволяет советчику занять доминирующее положение, при этом реципиент может признать такое распределение ролей или отказаться от статуса «младшего». Отказ становится возможным благодаря рассказу третьему лицу: перенимающий практику может указать или на то, что он не принял совета, или на то, что совет не представляет для него ценности. Существует также вариант рассказа о принятии совета, при котором статус советчика относительно статуса рассказчика не повышается.

Ключевые слова: антропология, аграрные практики, культура повседневности, социальное взаимодействие, дача

Ways of transmitting agricultural skills in the modern city: Practical learning and conversation

Andrey A. Petrov ^[1]

✉ sinavitrivor@mail.ru

ORCID: 0009-0004-2172-0768

^[1] St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

To cite this article:

Petrov, A. A. (2025). Ways to transfer agricultural skills in a modern city: Practical learning and conversation. *Urban Folklore & Anthropology*, VII(1), 99–107. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2025-7-1-99-107.

The article examines the communication of summer residents through the lens of their agricultural activities. Based on material collected during folklore fieldwork in 2018, it introduces a classification of the ways agricultural skills are transmitted and explores hypotheses about the practical significance of such transmission. Various forms of interaction between summer residents and plants (including both non-verbal and verbal “communication”) serve as a medium for passing down practices, both from the older generation to the younger (the primary form) and among members of the same generation. When both actors perceive the possession of agricultural skills as an essential attribute of the status of a “good summer resident”, the transfer of practices enables the adviser to assume a dominant position. Meanwhile, the recipient can either accept this role distribution or reject the status of “junior”. The possibility of such a refusal arises through recounting the advice to a third party: the person adopting the practice can indicate either that they did not follow the advice or that the advice holds no value for them. Alternatively, there is a version of the story in which the recipient acknowledges following the advice without elevating the adviser’s status relative to their own.

Keywords: anthropology, agricultural practices, culture of everyday life, social interaction, dacha

Передача аграрных практик, представляющая собой распространённую в современной России систему социальных взаимодействий, нечасто оказывается в фокусе крупных антропологических исследований [Касаткина 2014: 186]. В то же время характеристики этой системы интересны как сами по себе, так и в соотношении с другими областями науки.

Интерес к «дачной» теме, как отмечает А. К. Касаткина [2014: 187], возник у отечественных и зарубежных исследователей в начале 2000-х годов. При этом ученых интересовали как история становления и изменения практики использования дач [Малинова-Тзиафета 2013], так и современные «дачные» процессы, в частности, связанные с социальным взаимодействием в среде дачников и садоводов [Caldwell 2011]. Настоящая работа представляет собой попытку рассмотрения проблем межличностной коммуникации с точки зрения одного из основных видов деятельности дачников — аграрной.

В ходе летнего сезона в 2018 году в городе Санкт-Петербурге, в Волховском районе Ленинградской области, в деревне Беглово Чудовского района Новгородской области и в городе Починке Починковского района Смоленской области (с помощью сервиса онлайн-связи) мною были записаны полуструктурированные интервью с шестью информантками (одна, одна, три и одна в каждом из населенных пунктов соответственно). При отборе информантов приоритет отдавался людям старшего поколения (от 80 лет), имеющим наибольший опыт аграрных практик, однако для контраста интервью было взято у женщины средних лет (52 года), а также у представительницы молодежи (18 лет). Все опрошенные принадлежат к городской среде, обращение к аграрным практикам воспринимается ими преимущественно как летний отдых; вместе с тем «дачный стаж» большинства информантов составляет несколько десятилетий. Интервью происходили в форме разговора (вдвоем или втроем), записывавшегося на диктофон; позднее записи, хронометраж которых составил около 10 часов, были расшифрованы и переданы в медиа-архив Пропповского Центра.

Целью работы стало описание передачи аграрных навыков и результатов их применения среди горожан и сельских жителей в деревне, садовом товариществе и дачном поселке. Объектом исследования является социальное взаимодействие по поводу аграрных практик на даче и на земельных участках, принадлежащих не элитарным по материальному признаку горожанам (по определению экономиста И. А. Чеховских) [Чеховских 2000: 5]. Аграрные, или сельскохозяйственные, практики понимаются в работе как хозяйственные навыки, связанные с растениеводством.

Передача аграрных практик осуществляется двумя способами: вертикальным, межпоколенческим (от родителей к детям или во-

обще — от старшего поколения к младшему) и горизонтальным, чаще внутрипоколенческим (между соседями, коллегами, друзьями и т. д.). Помимо разницы в возрасте (кстати, не всегда минимальной и во втором случае), передачу первого и второго типа отличают куда более важные дифференциальные признаки:

1) передача между поколениями первична, внутри поколения — принципиально вторична (на этом условии базируется, на наш взгляд, ее практический смысл, о чем будет сказано ниже);

2) передача первого типа носит форму императива и обычно происходит через демонстрацию; передача второго типа практически всегда осуществляется в форме советов, которые могут быть как приняты, так и отвергнуты;

3) передача первого типа имеет явную практическую функцию: адресант передачи рассчитывает вынести пользу из работы адресата, в то время как передающий практику в рамках второго типа не извлекает прямую практическую пользу из следования его совету.

При передаче практик, о которых рассказывали информанты, они выступали как адресантами, так и адресатами. При передаче практики от родителей или ее отсутствии важным оказывается пол информанта (несмотря на то, что не все информанты были согласны с наличием мужских и женских практик, фактически во всех рассмотренных случаях мужская компетенция маркирована особо):

Ну вот он косить... Он умел косить, кстати, косой. [Откуда? Тоже с деревни?] С деревни, наверное, помню, да. Это редко сейчас, кто умеет, ну вот он умел косить косой. Это, я помню, он в Дибунах косил. [Он тебя научил?] Нет. [Почему?] Ну вообще женщины как-то косой, наверное, не косят. [Тяжело это просто?] Это очень тяжело¹.

Если кошение признается мужской работой, то прополка может трактоваться как женская компетенция:

[Ты не помнишь, учили ли тебя там пропалывать как-то, сажать, или ты сама как-то начала?] Сначала всегда показывали, это точно. [А кто? Мама, папа — кто?] Прополка никогда не касалась отца. Мама, тетя — обычно они. [А на папе какие обязанности были?] Принести воды и, когда мы уезжали на дачу, приготовить обед. Он готовил его на костре, и это было его обязанностью².

Межпоколенческая передача охватывает не только родителей и детей, но и внуков и их дедушек/бабушек. Интересна ситуация,

¹ Ж., 1966 г. р., род. в Ленинграде.

² Ж., 2000 г. р., род. в Починке.

когда сам информант становится сначала, по сути, промежуточным звеном в такой передаче, а впоследствии переносит методы собственных родителей для воспитания уже своих внуков:

А вообще, когда были внуки... Ну дети чего, дети уже взрослые почти были, когда мы... А, нет, Аленка была маленькая, мы когда, Аленке было пять или шесть лет — пять лет было ей, когда мы сюда приехали. Вначале мама здесь жила моя, мы работали. Мама жила и, это самое, ну мама очень требовательной была, там железная дисциплина была: встать в такое-то время, ты должен прополоть такую-то грядку, ты должен принести воды — тогда колодцев не было, все пили воду из речки, и в речку надо было сходить, вот буквально семилетняя вот эта моя дочка, ее внучка, ходила за водичкой с бидончиком трехлитровым, носила воду, и нужно было принести там пять-шесть бидончиков воды, чтоб у бабушки была вода. Очень требовательной была к чистоте, к порядку: каждый должен был за собой убрать и за себя, за собой какое-то бельишко маленькое там постирать. Вот так вот начинала бабушка. А потом, когда уже бабушки не стало, стали потом уже ко мне приезжать внуки, но с внуками у меня немножко было... Там, понимаешь, очень многое от мамы всегда зависит, как мама какие требования предъявляет. Я предъявляла такие же требования, как и моя мама³.

Целью передачи практики здесь фактически становится воспитание, что ни в коем случае не противоречит выдвинутой выше концепции пользы, которую приносит такой контакт.

Исходя из дифференциальных признаков практической пользы и формы демонстрации, в число примеров передачи практик первого типа подпадает и случай, когда покупателям, к которым относился информант, практики передавал не родственник, а бывший хозяин участка. Пользуясь по договоренности с покупателями уже проданной землей, тот отчасти продолжал считать ее своей и потому видел прямую пользу в том, чтобы новые хозяева поддерживали участок в надлежащем состоянии. В этом случае он фактически выступает в роли родителя, передающего хозяйство детям:

[А вы не ухаживали, не окучивали?] Он ухаживал, он окучивал. Приходил все время, окучивал эту картошку, да. Так что ему это было в удовольствие, пока по силам было, — в удовольствие, в радость, с удовольствием это делал. [Но он учил окучивать?] Он показывал. [А вообще учил чему-нибудь на участке?] Ну он пытался, он бы научил... Если бы мы хотели, он бы всему научил, то есть там он даже хотел показывать, как

³ Ж., 1935 г. р., род. в Ленинграде.

яблони прививать, — он сам это умел, это редко кто умеет. [И чего, не захотели?] Ну мы поняли, что нам это не очень надо⁴.

Этот же пример демонстрирует разницу менталитета «городских» и «местных» (будь то уроженцы этих мест, как в случае с деревней, или старожилы). Но и при таком распределении ролей передача знаний и практик все же происходит (причем, как будет видно в дальнейшем, в обе стороны).

Передача практик, связанных с растениеводством, оказалась значима только в аграрной среде, т. е. в среде деревни и садовых товариществ. Дачники (съемщики дачи в классическом понимании, по классификации Чеховских), по словам одного из информантов, не участвуют в процессе передачи, хотя и имеют зачастую собственные грядки. Причина такого отношения видится не в том, что «классические» дачи не выполняют, в отличие от деревни и садоводства, функцию подсобного хозяйства, как это определяет Чеховских, поскольку большинство информантов не считает получение овощей и фруктов главной целью своего пребывания на участке, да и урожай, выращенный там, может фактически мало отличаться от собранного на предоставляемых хозяином «полутора грядках» на съемной даче. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что дачники не берут ответственности за не принадлежащую им землю, и ее состояние не является демонстрацией их статуса.

Предполагаем, что игра на повышение или понижение статуса в межличностном общении и становится целью передачи аграрных практик горизонтального типа. Напомним о дифференциальном признаке вторичности внутрипоколенческой передачи относительно межпоколенческой, который прямо вытекает из специфики некоего «инварианта» передачи. Выступая в роли советчика, таким образом, адресант занимает ту же позицию, которую при первичном способе передачи занимал бы старший, чаще всего — родитель. Социальная роль советчика трансформируется, его статус повышается. Действие такого механизма, на наш взгляд, основывается на менталитете россиян, склонных воспринимать даже непрошенные советы позитивно, как реальную помощь, о чем пишет в статье «Совет в языке и коммуникации» А. Ю. Архипенкова: «Представители русской культуры оценивают речевой акт Совет как социально-позитивный акт» [Архипенкова 2010: 43].

Конечно, более показательны в этом случае примеры, когда адресантом передачи выступал сам информант. Вот как повышается таким образом статус «городских» уже в сельской среде:

⁴ Ж., 1966 г. р., род. в Ленинграде.

[Вы с ними общались, а они вас как-то знакомили с тем, как нужно здесь...] [ЗН:] Мы больше знали, чем они. [ИБ:] Мы... Благодаря нам, дачникам, они начали выращивать... огурцы, по-моему, или чего-то они начали выращивать, чего раньше они вообще не сажали. [ЗН:] Помидоры. [То есть благодаря тем знаниям, которые вы получили из телевидения и из газет, вы стали учить их тоже выращивать?] [ЗН:] Да они и сами хорошо знали. [ИБ:] Они не знали, Зоенька. Они пример брали с нас вообще-то. Они ни черта не знали⁵.

Прагматика рассказа о совете в такой форме очевидна и связана с конфликтом между местными и горожанами, как подмечает О. Я. Виноградская, обычным в современной деревне: «В целом коренные местные жители с настороженностью относятся к “понаехавшим” горожанам, даже в тех случаях, когда они живут с ними бок о бок не один десяток лет» [Виноградская 2017: 475].

В приведенном примере раскрывается еще один путь получения навыков — использование третьих источников. Не будучи примером собственно межличностной коммуникации, он, как видно из приведенного фрагмента, наряду с другими может служить фундаментом для передачи практик второго типа.

Выделяя таким образом повышение статуса как основную функцию передачи практик внутри поколения, необходимо оговориться: беря интервью, мы имели дело не с самой передачей, а с рассказами о ней, при которых, как мы полагаем, задача информанта — повысить свой статус в глазах слушателя. Исходя из предложенной концепции, очевидной становится неоднозначность обратной ситуации — рассказ о передаче, при которой информант выступает адресатом. В этом случае информант, принимая совет, оказывается в позиции «младшего» по статусу. Информанты продемонстрировали два пути выхода из этого противоречия:

- 1) рассказ о непринятии совета;
- 2) рассказ о принятии совета, якобы не представляющего для информанта ценности.

Примером первого пути является записанный в деревне Беглово диалог о совете таксиста обрывать цветки у картошки. Совет воспринимается в данном случае как посягательство на выработанную в коллективе норму и не обладает достаточной авторитетностью, чтобы пересилить эту норму: «[ИБ:] А он говорит: надо, говорит, эти цветочки все обрывать. [ЗН:] Как же? [ИБ:] Не знаю. Никогда мы не обрывали, правда? [ЗН:] Никогда, никогда»⁶. Непринятие при этом осуществляется прямо в процессе рассказа о совете и мотивируется общим положительным опытом разговаривающих, ко-

⁵ ЗН — ж., 1931 г. р., род. в Ленинграде. ИБ — ж., 1936 г. р., род. в Ленинграде.

⁶ ЗН — ж., 1931 г. р., род. в Ленинграде. ИБ — ж., 1936 г. р., род. в Ленинграде.

торый не соотносится с опытом советчика; последний оказывается противопоставлен коллективной идентичности жителей деревни.

Примерами способа выхода из ситуации, когда, получая совет, адресат наставления оказывается под угрозой понижения статуса и делает вид, что совет не представляет для него ценности, могут стать рассказы о советах соседей информантки 1966 года рождения. Она во всех случаях выступает как горожанка, использующая дачу в первую очередь не для урожая, а для отдыха:

[А советы давали какие-нибудь?] Ну, вероятно, Лена, соседка, что-то говорила, какое-то средство покупала, которое надо было опрыскивать для... чтоб завязи лучше были на тех же огурцах и помидорах, она даже покупала когда-то это средство. Потом говорила, что надо — я не помню, она, по-моему, говорила — что, чтобы помидоры краснели, надо вывешивать какую-то красную ткань. Что надо покрывать помидоры какой-то красной тканью. А еще йод вывешивали, чтобы отпугивать всяких нехороших насекомых⁷.

Итак, различные практики взаимодействия с растениями являются объектом передачи двух типов — вертикального (межпоколенческого) и горизонтального (чаще внутривнутрипоколенческого). Первый тип передачи навыков является, по нашему мнению, первичным и преследует цели научения младших старшими известным им практикам. Второй, горизонтальный тип передачи знаний, представляется нам вторичным, т. е. воспроизводящим шаблон научения. Как показывают описанные нами способы минимизировать ущерб от угрозы понижения статуса воспринимающей совет стороны, советчик претендует на получение статуса «старшего».

Дискурсивное сопровождение практик агрикультуры горожан многожанрово, и передача практик в форме совета (как мы видели выше, особенно популярная при горизонтальном типе передачи знаний) отсылает к проблеме прагматики советов в современной отечественной речевой культуре.

Литература

Архипенкова, А. Ю. (2010). Совет в языке и коммуникации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Лингвистика*, 2010(3), 38–45.

Виноградская, О. Я. (2017). Горожане в деревне: выстраивание новых социальных миров. *Островские чтения*, 2017(1), 472–478.

Добровольская, В. Е. (2011). «Зеленые пальцы» и «сообразительные живучие умнички»: запреты и предписания в субкультуре цветоводов. *Вестник РГГУ*, 9(71), 148–165.

Касаткина, А. К. (2014). Загородный дом (дача) — автономное пространство современного субъекта. *Вестник Пермского университета*, 1(24), 186–193.

⁷ Ж., 1966 г. р., род. в Ленинграде.

- Малинова-Тзиафета, О. Ю. (2013). *Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914)*. СПб.: Издательство Европейского университета.
- Чеховских, И. А. (2000). *Городские семейные стратегии в неформальной экономике* (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов). Санкт-Петербург.
- Caldwell, M. (2011). *Dacha Idylls. Living organically in Russia's countryside*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

References

- Archipenkova, A. Yu. (2010). Advice in language and communication. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhby Narodov. Lingvistika*, 2010(3), 38–45. (In Russian).
- Caldwell, M. (2011). *Dacha Idylls. Living organically in Russia's countryside*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Chekhovskikh, I. A. (2000). *Urban family strategies in the informal economy* (Doctoral dissertation abstract, St. Petersburg State University of Economics and Finance). St. Petersburg. (In Russian).
- Dobrovolskaya, V. E. (2011). “Zelenye palcy” and “soobrazitel'nye zhivuchie umnichki”: Prohibitions and regulations in the subculture of flower growers. *Vestnik Rossijskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta*, 9(71), 148–165. (In Russian).
- Kasatkina, A. K. (2014). Country house (dacha) — an autonomous space of a modern subject. *Vestnik Permskogo Universiteta*, 1(24), 186–193. (In Russian).
- Malinova-Tziafeta, O. Yu. (2013). *From the city to the dacha: sociocultural factors in the development of dacha space around St. Petersburg (1860–1914)*. St. Petersburg: Izdatelstvo Evropejskogo Universiteta. (In Russian).
- Vinogradskaya, O. Ya. (2017). Citizens in the countryside: Building new social worlds. *Ostrovskie Chteniya*, 2017(1), 472–478. (In Russian).